

Королевичъ и его дядька.

В одного короля былъ сынъ. Звали его Иванъ-королевичъ. Жилъ король хорошо, заботы не знавалъ. Поѣхалъ онъ разъ на охоту въ лѣсъ, видитъ—мужикъ несетъ куницъ, бобровъ да лисицъ. Остановилъ король мужика и спрашиваетъ:

— Гдѣ ты, старикъ, столько звѣрья наловилъ?

— Въ лѣсу,—отвѣчаетъ мужикъ.

— Кто же тебѣ позволилъ въ моемъ лѣсу звѣрей ловить?

— Лѣшій позволилъ. Онъ научилъ меня и ловушки ставить.

— Ладно,—говоритъ король,—я тебя, старикъ, виномъ угощу и денегъ дамъ, покажи только мнѣ, гдѣ лѣшій живетъ.

Соблазнился старикъ обѣщаніями короля и указалъ жилище лѣшаго. Король тотчасъ же велѣлъ лѣшаго поймать, заковать его въ цѣпи и посадить въ темный подвалъ. А самъ издалъ такой приказъ, чтобы

въ заповѣдныхъ лѣсахъ никто не смѣлъ охотиться безъ его, королевскаго, разрѣшенія.

Сидитъ лѣшій въ подвалѣ и думаетъ, какъ бы ему на волю выбраться. А дверь изъ подвала въ садъ выходила. Вотъ смотритъ лѣшій въ щелочку и видитъ—гуляетъ въ саду Иванъ-королевичъ со своими няньками и мамками. Подошелъ Иванъ-королевичъ къ подвалу, увидалъ его лѣшій и стучитъ въ дверь:

— Выпусти меня, королевичъ, я тебѣ впередъ пригожусь.

— Какъ же я тебя выпущу: дверь заперта тяжелымъ замкомъ, а ключъ у матушки спрятанъ?

— Поди къ матушкѣ, приласкайся къ ней и попроси ключъ. Она для тебя все сдѣлаетъ.

Послушался королевичъ, выпросилъ у матери ключъ, прибѣжалъ въ садъ, отперъ замокъ и выпустилъ лѣшаго.

Ушелъ лѣшій въ лѣсъ и сталъ тамъ опять хозяйничать. Поставилъ король силки, а лѣшій ихъ изорветъ, изломаетъ. Видитъ король, что звѣри перестали ловиться, и догадался, что это продѣлка лѣшаго: больше некому. Пошелъ въ подвалъ, глядь, а тамъ пусто: лѣшаго и слѣдъ простылъ. Разсердился король на жену свою, кричитъ:

— Зачѣмъ ключъ давала лѣшаго выпускать?

Приказалъ онъ созвать бояръ, князей и думныхъ людей, чтобы судить королеву. Жалко стало Ивану-королевичу свою мать и признался онъ отцу въ своей винѣ. Разсердился король пуще прежняго, не знаетъ, что ему съ сыномъ дѣлать, какую ему казнь придумать.

Собрались бояре, князья, думные люди и говорятъ королю:

— Ваше королевское величество! королевское дитя казнить нельзя. Отпусти ты лучше его на всѣ четыре стороны.

Призвалъ король сына и говорить ему:

— Иди съ глазъ моихъ долой, — не хочу имѣть непокорнаго сына.

Нечего дѣлать, пошелъ Иванъ-королевичъ. Мать, провожая его, дала ему на дорогу котомку да велѣла взять съ собою и дядьку.

Пошелъ королевичъ съ дядькой въ путь-дорогу. Долго ли, коротко ли шли они, только захотѣлось королевичу пить и говорить онъ дядькѣ:

— Ступай, принеси воды: мнѣ пить хочется.

А дядька ему:

— Хочешь пить, такъ и ступай самъ за водой!

Нечего дѣлать, пошелъ королевичъ самъ за водой. Нагнулся онъ къ колодцу, а дядька его ну въ колодецъ толкать!

— Не губи меня!—взмолился королевичъ.

— Давай выкупъ, а то сейчасъ утоплю въ колодезь!

— Что же мнѣ дать тебѣ? Нѣтъ у меня ничего.

— Давай смѣняемся,—говорить дядька:—я буду королевичемъ, а ты будь слугою.

Иванъ-королевичъ согласился. Переодѣлся слуга въ платье королевича, а тотъ надѣлъ платье своего слуги и пошли они дальше. Шли они, шли и пришли въ чужое государство, прямо къ царю во дворецъ.

— Что вы за люди?—спрашиваетъ ихъ царь.

— Я—Иванъ-королевичъ, а это—мой слуга. Мы съ нимъ по свѣту рыщемъ, счастья себѣ ищемъ,—отвѣчаетъ дядька.

— Радъ тебя видѣть, королевичъ! Останься у меня погостить.

Сталъ дядька жить у царя въ гостяхъ. Пьетъ, ѣстъ за царскимъ столомъ, а королевича въ кухню отравили дрова таскать да посуду мыть. Смотритъ королевичъ, какъ повара кушанье готовятъ, и самъ мало-по-малу научился да такъ сталъ готовить, что лучше самого повара.

Узналъ про то царь и сталъ его хвалить да деньгами дарить. Не взлюбили за это королевича другіе повара и стали думать, какъ его погубить.

Замѣсилъ разъ королевичъ тѣсто для пирога, а они взяли, да и подсыпали туда отравы. Подали царю пирогъ, а старшій поваръ и говорить:

— Царь-государь! не вели казнить, вели слово молвить.

— Говори, не бойся!

— Не ѣшь, царь-батюшка, этого пирога: онъ съ отравой!

— А ты почему знаешь!

— Люди слышали, какъ твой любимый поваренокъ похвалялся извести тебя. Такой, говоритъ, пирогъ испеку, что съ одного куска царь умретъ.

Отрѣзалъ царь кусокъ пирога и бросилъ его собацѣ, та съѣла и тутъ же издохла. Разсердился царь, приказалъ позвать къ себѣ поваренка.

Пришелъ королевичъ.

— Такъ-то ты за мою ласку платишь?—закричалъ на него царь.—Отравить меня захотѣлъ! За это я прикажу казнить тебя лютой казнью!

Взмолился ему королевичъ:

— Вѣдать не вѣдаю, знать не знаю! Вѣрно, злые люди изъ зависти погубить меня хотятъ.

Сжалился надъ нимъ царь,—помиловалъ и приказалъ быть конюхомъ.

Нечего дѣлать, пришлось королевичу коней пасти. Зашелъ онъ разъ съ ними далеко-далеко въ лѣсъ. Вдругъ навстрѣчу ему лѣпшій.

— Здравствуй, Иванъ-королевичъ! Пойдемъ ко мнѣ въ гости.

— Боюсь — кони разбѣгутся.

— Не бойся, пойдемъ. Я тебѣ ихъ соберу.

Пошелъ королевичъ къ лѣшему въ гости. У лѣшаго были три дочери; вотъ и говорить отецъ старшей изъ нихъ:

— Чѣмъ же ты, дочка, подаришь королевича за то, что онъ меня на свободу выпустилъ?

Отвѣчаетъ дочь:

— Дамъ я ему скатерть-самобранку.

— А ты чѣмъ подаришь? — спросилъ онъ у средней.

— Я подарю ему палку-самобойку.

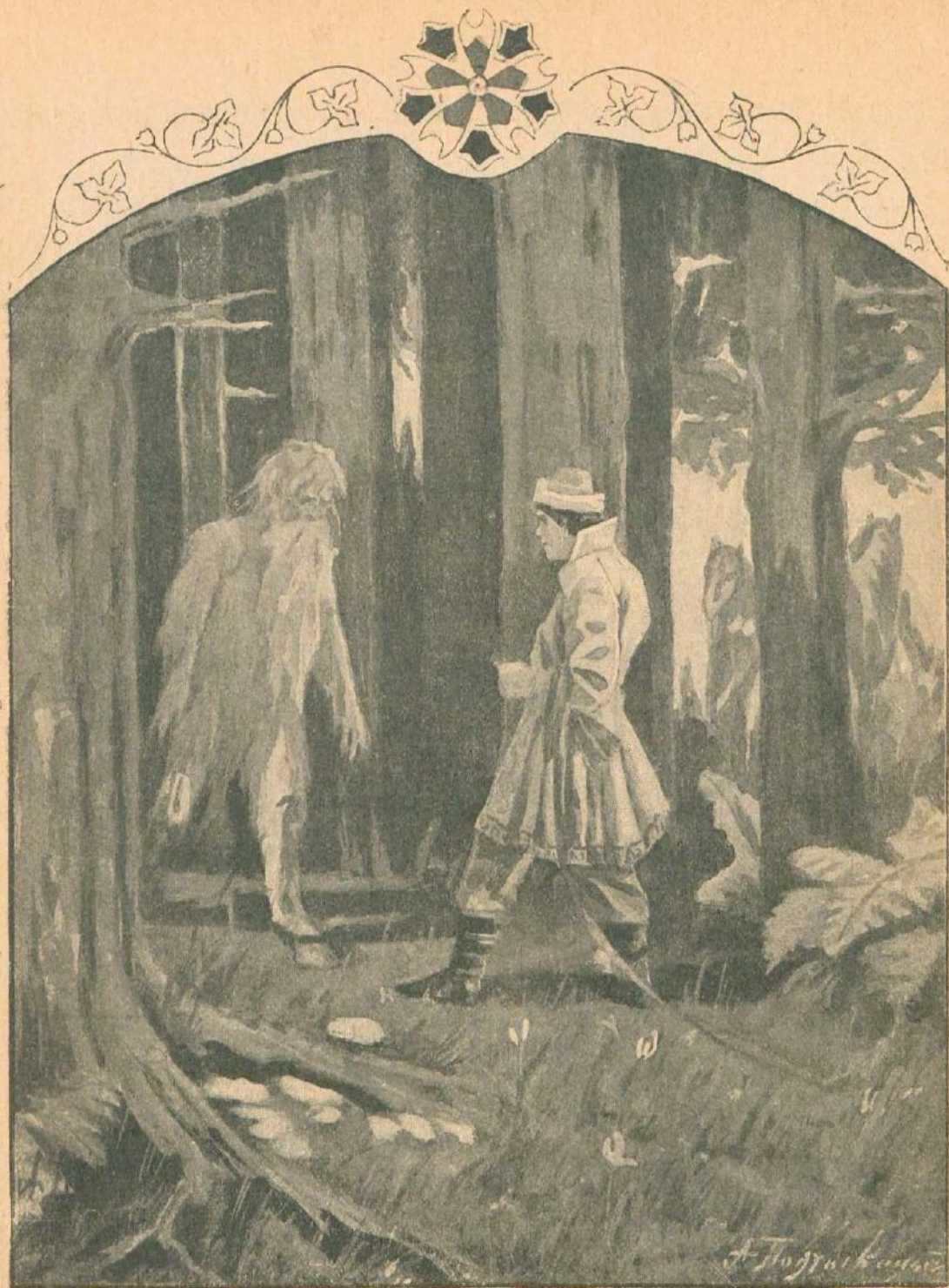
Младшая же сказала:

— А я подарю королевичу перстень, да такой, что ночью огней зажигать не надобно: отъ перстня свѣтло будетъ.

— Ну, теперь, дочки, ступайте коней собирать; накормите ихъ, напоите и вычистите!

Хорошо съ тѣхъ поръ стало жить королевичу: придетъ онъ въ лѣсъ, скажетъ своей скатерти-самобранкѣ:

— Угости меня, скатерть-самобранка! — раскинетъ ее, и сейчасъ же явятся передъ нимъ разные кушанья — одно лучше другого. Угощается королевичъ,

F. H. K. K.

а дочки лѣшаго соберутъ коней, накормятъ ихъ, на-
поятъ и вычистятъ.

Царь не нарадуется на своего конюха: кони у него всѣмъ на заглядѣнье,—чудо да и только: и сыты, и статны, и на ногу рѣзвы. Хвалить царь своего конюха, а царевна слушаетъ и думаетъ, какъ ей поговорить съ нимъ. Она его давно запримѣтила, а говорить ей съ нимъ не случалось. Вѣдь царская дочь—не то, что простая дѣвушка,—съ кѣмъ захотѣла, съ тѣмъ и заговорила. Она шагъ ступить, а за нею—нянюшки да мамушки. Одна говоритъ того-то царской дочкѣ дѣлать нельзя, другая говорить, что и другого нельзя. Вотъ и стала царевна придумывать, какъ бы ей съ глазу на глазъ съ молодымъ конюхомъ поговорить.

Пока она придумывала, надъ ихъ царствомъ бѣда случилась да нешуточная. Пришелъ на нихъ войной великанъ и привелъ съ собою полки несмѣтные. Шлетъ онъ къ царю гонца съ письмомъ, а въ письмѣ томъ написано:

«Если не отдашь за меня царевну замужъ, то все войско твое перебью, а ее силой возьму!»

Что дѣлать царю? Жалко ему отдавать дочь великану. Сталъ онъ кликать кличъ, сзывать по всему царству князей и богатырей. Кто побѣдитъ великана, тому обѣщаетъ полцарства и дочь въ замужество.

Много собралось князей и богатырей сражаться съ великаномъ. Поѣхалъ съ царскимъ войскомъ и дядька.

«Не попытать ли и мнѣ счастья?» думаетъ королевичъ.

Выбралъ онъ себѣ лучшаго коня и пустился въ путь. Подъѣзжаетъ къ лѣсу и видитъ — на опушкѣ лѣшій стоитъ.

— Куда ѣдешь?—кричитъ онъ королевичу.

— Воевать съ великаномъ.

— Зайди-ка ко мнѣ на минутку.

Вошелъ королевичъ къ лѣшему въ домъ, а ужъ дочка несетъ ему стаканъ вина. Выпилъ королевичъ и почувствовалъ, что силы у него поприбавилось.

— Много ли силы прибавилось?—спрашиваетъ лѣшій.

— Будь у меня палица въ пятьдесятъ пудовъ,—отвѣчаетъ королевичъ,—я бы ее какъ хворостину сломалъ!

Приказалъ тутъ лѣшій другой дочери подать вина. Выпилъ королевичъ, а лѣшій опять спрашиваетъ:

— Много ли силы прибавилось?

— Много,—говоритъ королевичъ.—Будь у меня палица во сто пудовъ, я бы ее за облака закинулъ!

Улыбнулся лѣшій и приказалъ третьей дочери угостить королевича. Выпилъ королевичъ и третій стаканъ; лѣшій опять спрашиваетъ:

— Какова теперь твоя сила?

— Охъ, велика теперь моя сила. Во мнѣ самомъ не вмѣщается, наружу просится. Если бъ было за что ухватиться, я бы всю землю повернулъ!

Нацѣдилъ лѣшій изъ другого боченка стаканъ вина и подалъ королевичу самъ; выпилъ тотъ и почувствовалъ, что силы у него поубавилось. Вывелъ лѣшій королевича на крыльцо и свистнулъ на весь лѣсъ. На свистъ его прискакалъ вдругъ богатырскій конь — изъ ушей дымъ стелется, изъ-подъ копыт искры сыплются.

— Вотъ тебѣ конь! — кричитъ лѣшій.

Заткнулъ королевичъ за поясъ свою палку-самобойку, сѣлъ на коня, стегнулъ его плеткой шелковой, — помчался конь легче вѣтра буйнаго.

Подъѣзжаетъ онъ къ стану вражьему и видитъ, что войска царскія бѣгутъ, а дядька съ испугу подъ кустъ спрятался, сидитъ и трясется.

Иванъ-королевичъ, мимо ѣдучи, стегнулъ его плеткою, а самъ поскакалъ прямо навстрѣчу великану.

Увидалъ великанъ королевича и сталъ надъ нимъ посмѣиваться:

— Выходи, выходи, добрый молодецъ, со мною въ бой! Много я вашего брата уложилъ, тебя только не хватало.

Выхватилъ королевичъ изъ-за пояса палку-самобойку и приказалъ ей угостить великана, а самъ плеткой шелковой помахиваетъ. Махнетъ — цѣлаго ряда солдатъ какъ не бывало. Убилъ королевичъ великана и побилъ все его войско: кого плеткой, кого мечомъ, кого конемъ затопталъ. Ёдетъ назадъ и думаетъ:

«Ну, теперь-то ужъ, навѣрно, царь за меня дочку замужъ отдастъ, стану я опять королевичемъ».

Да не тутъ-то было. Дядька, сидя подъ кустомъ, все видѣлъ и, когда замѣтилъ, что побѣда на сторонѣ Ивана-королевича, побѣжалъ домой, по дорогѣ поймалъ коня, сѣлъ на него и прискакалъ къ царю.

— Я побѣдилъ великана! — кричитъ онъ еще издали. — Отдавай мнѣ царевну въ жены.

Обрадовался царь и приказалъ готовить великій пиръ. А царевнѣ не миль суженый; не хочется ей за него замужъ итти, притворилась она больной.

Пріѣхалъ настоящій королевичъ и видитъ, что дядька опять у него поперекъ дороги сталъ. Какъ доказать ему свою правоту, что онъ побѣдилъ великана, а не тотъ? Кто повѣритъ ему, простому конюху? А дядька увидалъ, что королевичъ цѣлъ пріѣхалъ, и думаетъ:

«Надо его совсѣмъ погубить, чтобы не вышло какихъ разговоровъ».

Призвалъ онъ слугъ и приказалъ бросить королевича въ тюрьму. Отвели его въ темницу, заперли на замокъ. А королевичу и горя мало: досталъ онъ свой перстень — стало у него свѣтло какъ днемъ; разостлалъ скатерть-самобранку — угощенья сколько хочешь. Сидить, пѣть, ѣсть, дожидается, что будетъ.

Узнала царевна, что конюха заперли въ темницу, и такъ-то ей стало его жалко, что пришла она къ отцу и стала просить за него.

Приказалъ тогда царь узнать, чѣмъ провинился конюхъ, а такъ какъ вины за нимъ никто не зналъ, то и рѣшилъ онъ самъ итти въ тюрьму и допросить конюха.

Пришелъ царь въ темницу и видитъ, что конюхъ его пируетъ. Удивился царь, сталъ допрашивать, что и какъ. Тутъ только и узналъ онъ, что настоящій королевичъ конюхомъ былъ, а дядька его съ нимъ за однимъ столомъ сидѣлъ.

Приказалъ тогда царь казнить обманщика, а царевну отдалъ замужъ за настоящаго Ивана-королевича. Онъ уже давно былъ любъ царевнѣ, еще въ то время, когда конюхомъ былъ.

Свадьба ихъ была веселая: пировали три дня и три ночи. И я тамъ былъ: медъ, пиво пить, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

